

18+

6 июня.

Наш Пущкин

Сергей Степанов

Сергей Степанов

6 июня. Ночь Пушкина

«Издательские решения»

Степанов С.

6 июня. Ночь Пушкина / С. Степанов — «Издательские решения»,

Уникальный поэтический эксперимент от Сергея Степанова: дерзкое переосмысление классики через призму XXI века. Представлен новаторский подход к онегинской строфе: автор переворачивает традиционную форму, создавая новый художественный язык. Знакомые образы Онегина, Татьяны и Ленского обретают неожиданное звучание, раскрываясь в современном контексте с новой, порой шокирующей стороны. Книга станет находкой для ценителей поэзии, готовых к интеллектуальному вызову и новому прочтению классики. Книга содержит нецензурную брань.

© Степанов С.

© Издательские решения

Содержание

6 июня. Ночь Пушкина	6
Эпиграф	7
«О, чрево Времени!.. Яма с помоями...»	8
«Силуэты. Силу эту...»	9
«Весёлый бес в меня пролез...»	10
«Чернеют окна в лимузине...»	11
«Бутыль зелёного стекла ...»	12
«Быть одиноким странно в Ницце...»	13
«В душе хандра, а жизнь неброска, ...»	14
«Зачем вы жаждете знакомства...»	15
«Всё меньше места резво бегать...»	16
«Какая долгая дорога!..»	17
«Привет, звезда... Привет!..»	18
«Душа не знает избавленья...»	19
«Я устал. И что-то нервы... Не в порядке...»	20
«О, эта подлая никчёмность...»	23
«Ноябрь. Туманы. Стонут двери...»	24
«Какая дивная культура!..»	25
«Дни тяжелы. Желты. Нежданны...»	26
«Брат Пушкин, где твоё корыто...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

6 июня. Ночь Пушкина

Сергей Степанов

© Сергей Степанов, 2026

ISBN 978-5-0070-4111-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

6 июня. Ночь Пушкина

Сергей Степанов

© 2026 Степанов С.

Изображение на обложке: «А. С. Пушкин. Портрет». Художник © 2023 Степанов С.

Пожалуйста, не забудьте оставить отзыв о прочитанной книге в Интернет-магазине.

Эпиграф

Кого ж любить? Кому же верить?

Евгений Онегин. А. С. Пушкин

«О, чрево Времени!.. Яма с помоями...»

О, чрево Времени!.. Яма с помоями.
В ней Пётр Вяземский, Сомерсет Моэм и
кто-то ещё благородных кровей...
Может быть, Эрнест Хемингуэй.

В эту же яму — не в небо над озером!.. —
сбросит меня современник бульдозером.
С веком разорвана пуповина.
Будем гнить вместе. Пушкин. Я. Глина.

А где, вы спросите, Иосиф Бродский?..
В Венеции. На элитном погосте.
Курит себе сигаретку там,
глядя, — курится ли фимиам.

«Силуэты. Силу эту...»

Силуэты. Силу эту
распознать ли так, вдруг.
Рассупонились поэты:
Пушкин — друг!..

И выводят пируэты,
встав в круг.
И мерцают силуэты
их заслуг.

Как грузны авторитеты
в нише брюк!..
Мельтешат не силуэты —
тень брюх.

Знать, душе тесны жилеты
петь вслух.
Не слышны мне силуэты, —
дайте звук!

Жизнерадостны банкеты:
глянь, — ашуг!..
Славно гнётся силуэта
каучук.

Пусть отставлены сонеты, —
недосуг,
возвышает силуэты
что? Каблук!..

Но невидимы портреты.
Дрожь рук...
Проступают силуэты.
И во тьму, —
фук!..

«Весёлый бес в меня пролез...»

Весёлый бес в меня пролез
и вытесняет из пространства
хандры на луг, в прозрачный лес —
прочь из прострации и транса.

Он нынче добр, проныра-бес.
Корпеть ли над черновиками,
когда не Пушкин, не Рабле,
не Мандельштам, не Мураками...

О, это горестное «не...»
Бес шепчет что-то там на ухо.
Стишки... Гори они в огне!
Немая, сладостная мука.

В таённом омуте души
стишки наброшены не мною.
Но кем? Когда... Пойди, реши, —
бесовской ль, ангельской рукою.

«Чернеют окна в лимузине...»

Чернеют окна в лимузине.
Зачем из них на нас взирать...
Бутылки виски в магазине
манят взять штурмом эту рать.
Брат Пушкин, с кем теперь Земфира?..
Слух есть, она гражданка мира...
Сиротство — преданный мой друг:
ни драхм не просит, ни услуг.
Пример развёрнутого плана:
весь мир бульдозером под снос!..
А вдруг на небе чинят спрос
за жизнь в плену самообмана,
вдруг неподкупен высший суд...
Мигалки на прохожих прут.

«Бутылъ зелёного стекла ...»

Бутылъ зелёного стекла —
храм мухам. Молодость стекла
с лица во мрак. На дне колодца,
где втуне мысли излучаю,
а самовар вскипает к чаю,
от прошлого не отколоться.
Возьмёшь роман, а там... Пожалуйста:
Татьяна Ларина безжалостна
с Онегиным. Она на русском
не изъяснялась в кругу узком...
Лечу на встречу, будто лошадь,
людей вокруг не замечаю.
А вот и я!.. Пустынна площадь.
Бутылъ винца — замена чаю.

«Быть одиноким странно в Ницце...»

Быть одиноким странно в Ницце.
Герой погиб. Конец страницы —
венец романа и эпохи.
Синеет море за бульваром.
Русь прежде отдана татарам
была, теперь дела неплохи.
Сиянье глаз на карнавале.
Прохожие мне зря кивали.
Душа в толпе не видит лиц, —
милей ей задницы девиц,
чьи губы алы, как кизил...
Поклон. Летят букеты в яму.
Онегин выбьется из сил,
но где ему забыть Татьяну!..

«В душе хандра, а жизнь неброска, ...»

В душе хандра, а жизнь неброска, —
не номинируют на «Оскар»...
Что прошептать жене на ушко,
спроси в степи у лошадей.
Жизнь замечательных людей —
базар, детишки, стирка, сушка.
Кто ты: Онегин или Ленский?..
Гадай, в гостинице в Смоленске
застряв, как в заднице... «Кинжал»
Михаил Юрьевич писал,
от всех тягót судьбы свободный.
Без нас уходят корабли.
О, Лермонтов!.. Ты брат мой сводный.
Что делать... Праздники прошли.

«Зачем вы жаждете знакомства...»

Зачем вы жаждете знакомства
со мной... Какое вероломство, —
тревожить сердце!.. Честь пятная,
к вам снизойти. Сжать нервы в ком.
Как целоваться с языком,
вас научить... Здесь запятая,
ещё одна, ещё одна, —
испить вас досыта, до дна!..
Или уйти в туманный дом
и придержать страсть на потом, —
явить немое благородство
на ярмарке в базарный день:
с Онегиным прямое сходство.
Взор. Трость. И шляпа набекрень.

«Всё меньше места резво бегать...»

Всё меньше места резво бегать
по кругу будней и углам...
Сиротство — альфа и омега:
на поруганье не отдам
их никому. Но и никто
не покушается на то...
Французы в зиму под Смоленском
ещё не ведали о Ленском.
Их занимали наши снега,
морозы, голод... А Онегин,
являя русские изъяны
в гастрольный тур, без пары лыж
гораздо позже взял Париж.
Всему виной — любовь Татьяны.
Господь к тебе нещаден, Русь!..
Ты хочешь, нет, я — надерусь.

«Какая долгая дорога!..»

Какая долгая дорога!
Чем миг тебе так дорог, а?..
Дружище, где та недотрога,
что всем наставила рога...
Дурак не извлечёт урока,
хоть дай плетей, хоть пирога.
О, Русь!.. Зачем ты так убога.
Всё ждёшь пинка от сапога.
Дуэль с утра обычно спьяну.
Гордыня гнёт иных в дугу.
Онегин невзлюбил Татьяну.
Она по-русски ни гугу...
В смартфоне адски виснет прога.
Судьба с героями строга.
Ямщик!.. Заснул, мерзавец. Трогай.
С утра выходим на врага.

«Привет, звезда... Привет!..»

Привет, звезда... Привет!
Согрей меня лучами.
В ночи чуть жив поэт
и без причин печален.

На свете счастья нет.
И мой призыв отчаян.
О, негасимый свет!
Зачем ты так нечаян...

Ход Времени случаен.
Молчи, звезда... Молчи!
Разбилась чашка с чаем.
Чуть жив поэт в ночи.

Недвижность силуэта.
Ночь трепетно тиха.
Чу!.. Звёздный миг поэта —
рождение стиха.

Да вправду ль... Обречённый
и звёздам быть чужим,
забытый, изречённый,
поэт в ночи чуть жив.

«Душа не знает избавленья...»

Душа не знает избавленья
от суеты. Стиха творенье
спасёт ли, если дни скучны
и тучки застят синь весны.
Мне ближе осени печаль...
Клин журавлиный, как и встарь,
уносит думы. Ржа листвы
горит на солнце. Сквозь кусты
чернеет милый силуэт
скамейки. Сиживал поэт
на ней часами — с Музой здесь
встречался он. И с мира спесь
сбивал безжалостной строкой...
Ах, полно!.. Воля и покой —
единственный приют пиита.
А там и в вечность дверь открыта...

«Я устал. И что-то нервы... Не в порядке...»

Я устал. И что-то нервы... Не в порядке
что-то в самой сердцевине млечной лужи.
Или в Солнечной системе неполадки.
Снова пятна на светилах или хуже.

Здесь, у нас, пространство мало ощутимо.
Всё углы да ребра, пики, полукруги.
Рассветёт едва, — и день проходит мимо.
По ночам теснятся люди — друг на друге.

Много воздуха. Но он почти не виден.
В жаркий полдень миражи в глухой пустыне
да синь неба... Вот и всё явление истин.
Было так в веках. Да будет ли отныне...

Океаны душ зажаты в тесных скалах.
Скалы жмутся к небесам под мерзлым снегом.
Вся история записана в анналах.
Сожжены они пожаром прошлым веком.

А всему виною галлы. Их нашествий
избежать не удалось. И Публий Муций,
адвокат, трибун, не пожалел сестерций
и Annales воссоздал без контрибуций.

В них затмения — и лунные, и Солнца,
и знамения, и сведения о войнах:
Александр, — сын Филиппа, македонца, —
что взял Персию, был воином не промах...

Впрочем, прошлое кого интересует...
Раздобыть бы для начала пропитанье.
Имя Божие тут поминают всуе.
Слышен шёпот — про восстанье и братанье.

Здесь животные мигрируют стадами.
Всюду кастовость. Всем правят гоминиды.
Их скопления прозвали городами.

Среди них иные очень знамениты.

В основном, своих пещер архитектурой —
из углов и рёбер, шпилей, закруглений.
Здесь расплачиваться принято натурой
за отсутствием сомнений, мыслей, мнений.

Есть отсутствие себя перед рассветом.
Сон — правитель Бытия — спасеньем славен.
Встрепенулсч чуть, — и стражник с пистолетом.
Потому совет: не раскрывайте ставен.

И, конечно же, не раскрывайте душу.
Слышал я, опасно это в понедельник.
(Здесь в неделе дней зачем-то семь.) Как грушу,
обнесут. Когда б не Пасха да сочельник...

Да, — любовь, одно из местных наваждений.
Не понять, что это. Только все покорны.
И бордели — это опыт наблюдений —
посещаются охотно и повторно.

Обмен жидкостями вовсе не тлетворен.
Мне сказали, жизнь таится в млечной луже.
Без потомства пусть союз и не беспорен,
но без пятен на постели только хуже.

А ещё здесь изучают части речи.
Дескать, это отличит от обезьяны.
Отличает. Но не всех и недалече.
Мать-природа так являет нам изъяны.

В целом, мило. Реки, горы и озёра.
Стайки бабочек в лугах. Лесные виды.
И приятен кисло-сладкий вкус бельфлёра...
Но, куда ни глянь, повсюду гоминиды.

Я устал. И что-то нервы... Не в порядке
ход времён. Куда-то ветер гонит лужи
за окном. Сбежать и мне бы, без оглядки.
Но накажут воскрешеньем или хуже.

«О, эта подлая никчёмность...»

О, эта подлая никчёмность
существования вовне!..
Сиротство — крест... Его исконность
со временем растёт в цене.

Невыразимость восприятий.
Чуть слышный скрип пера в тиши.
И штоф — единственный приятель,
пиши ты вирши, не пиши...

В ночи шуршат бессчётно шины, —
уносят души с шиком вдаль.
Но нет у вечности машины —
той самой, времени, — а жаль...

Отхлынет прочь волна желаний.
И обнажит на миг песок
неясных чувств и ожиданий,
что в нас вселил спесивый Бог.

И лучше выдумать не мог, —
непревзойдённое коварство...
Кто к слогу складывает слог, —
калика, венчанный на царство.

О, зряшность слёзных покаяний!..
Иссяк неведомый родник.
Сиротство — крест... Мерцают грани
безмолвной россыпи над ним.

«Ноябрь. Туманы. Стонут двери...»

Ноябрь. Туманы. Стонут двери
от сырости в ненастный день.
В метро, как загнанные звери,
теснятся тени. Набекрень
съезжают кепки и умы...
Не зарекайся от сумы.

Не кайся в невозвратном прошлом.
Мечты, мечты! Где ваша сладость...
Лишь детство грезит не о пошлом.
Отчаяние. Ужас. Радость
под небом нынче редкий гость.
Господь, где плеть Твоя и трость...

Отбей корявые коросты.
Освободи невольный мир
от мук греха — они непросты...
Зовёт туман покинуть пир:
и скрип дверей, и гул сердец,
и гвалт — всё стихнет, наконец.

«Какая дивная культура!..»

Какая дивная культура!
Бетон. Металл. Стекло. Кирпич.
Ле Корбюзье. Архитектура.
Всё прочее, конечно, дичь.

Необъяснимое, но факт, —
куда ни кинься, слышно: «Fuck!..»
Гавк, гавк!.. — петляя меж берёз,
даёт от бомжа дёру пес.

Тяфк, тяфк!.. Родимая ментальность.
Я к вам пишу, чего же боле?
Россия. Мифы и реальность.
И Вася Пупкин на престоле.

Какая дивная фигура.
Прижать в углу. А ты не дура...
И грянул бой, Полтавский бой!
Мне было хорошо с тобой...

Успокоительное средство —
британский кот. Уход за ним
сбивает с ног: впадаешь в детство.
Поэту нужен псевдоним,

чтоб быть неузнанным при встрече.
Грудь колесом. Косые плечи.
На лоб картуз. Очки на нос.
Быть или не быть, — что за вопрос.

Переложить стихи на ноты.
Сварганить чёрствый бутерброд.
Ни сна. Ни денег. Ни работы.
Зато поэт. Ну, будь, народ!..

«Дни тяжелы. Желты. Нежданны...»

Дни тяжелы. Желты. Нежданны
в них встречи, лица, голоса.
И Дон Гуан желал ли Анны...
О, Пушкин, где твои глаза!..

Татьяна, русская душою,
на встречу скачет, как газель.
Онегин нос задрал. Не скрою,
что холодна его постель.

Царь Пётр кровавый был рубака.
Рубил мозолистой рукой
без жалости. Была бы плаха.
Пей, Пушкин!.. Рублик за тобой.

Руслан — отчаянный громила.
Горбатый карлик Черномор,
скажи мне, с кем теперь Людмила
выходит за полночь на двор.

О, Пушкин, где твои глаза!..
Где стыд, — ни строчки без изъяна...
А, впрочем, все в России «за».
Целуйся с языком, Татьяна.

«Брат Пушкин, где твоё корыто...»

Брат Пушкин, где твоё корыто...
Налю. Хлебну. Спадёт завеса.
Я антисептиком пропитан,
как будто мумия Рамзеса.

Что день грядущий нам готовит?
Читайте Мориса Дрюона.
Я руки мою, — стёр до крови,
как на галере фараона.

Но не услышите ни стога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.